

ПСКОВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

№ 14-й.

16—31 июля 1915 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ПСКОВЪ.

Электрот. типо-лит. Губерн. Земства.

1915.

Часть официальная.

1. Указы и Определенія Святейшаго Синода: свѣдѣніе о назначеніи пенсій.

2. Распоряженія епархіальнаго начальства: Свѣдѣнія о исключеніяхъ, увольненіяхъ, опредѣленіяхъ, перемѣщеніяхъ и вакантныхъ мѣстахъ въ епархіи.

3. Письмо Его Превосвященству, Превосвященнѣйшему Епископу Псковскому, исп. об. председателя Петроградскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. 4. Отъ Правленія Великол. дух. учил. Отъ Совѣта Назимовской второкл. школы. Отъ Совѣта Вревской второклассной женской школы. Обращеніе.

Отдѣлъ неофициальный.

„Янъ Гусъ—его жизнь и ученіе“ Н. Серебрянскій. „Война и пѣмды“ К-чь. „Наъ воспоминаній о Порховскомъ духовномъ училищѣ“ Псаломщикъ М. Ладинскій.

Епархіальная хроника: Архіерейскія служенія. Въ Духовной Семинаріи.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

**Псковское 7-клас. Коммерческое училище
ТОВАРИЩЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ**

(мужское и женское, совмѣстное обученіе)

со всеми правами правительственныхъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ.

Приемныя испытанія: 15—30 апрѣля и 8—14 августа. Начало учебнаго года—16 августа. Подробн. программы и свѣдѣнія высылаются за 21 коп. (можно марками).

Псковъ. Петропавловская ул., д. Качева.

Указы и опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Указомъ Св. Синода, отъ 29 мая 1915 г. за № 6939, назначена пенсія вдовѣ священника пог. Озерца, Торопецкаго уѣзда, Александрѣ Черепиной съ дѣтьми: Вѣрой, Сергіемъ и Анатолиемъ по 120 руб. въ годъ.

Распоряженія епархіальнаго начальства.

Пресвященнѣйшимъ Евсеіемъ, Епископомъ Псковскимъ и Порховскимъ, при совершеніи литургій въ Кафедральномъ соборѣ, возведены удостоенныя Св. Синодомъ въ текущемъ 1915 году, въ санъ протоіерея: 9 мая—Епархіальный наблюдатель, священникъ Іоаннъ Литвинскій. 10 мая—Псковградской Алексіевской церкви священникъ Михаилъ Посильковъ. 14 мая—Псковградской Ильинской общины церкви священникъ Алексій Овворскій. 17 мая—погоста Любцова, Псковскаго уѣзда, священникъ Теодоръ Загорскій. 24 мая—Сорокомученической церкви пригорода Печерь священникъ Михаилъ Мухомозовъ. 31 мая—Спасо-Преображенской церкви гор. Великихъ Лукъ священникъ Михаилъ Ратьковский. 7 іюня—Покровской церкви гор. Великихъ Лукъ священникъ Матфій Виноградовъ. 14 іюня—Троицкой церкви гор. Опочки священникъ Іоаннъ Владиміскій. 21 іюня—погоста Знахлицъ, Псковскаго уѣзда, священникъ Петръ Орловъ. 25 мая—въ санъ архимандрита смотритель Торопецкаго духовнаго училища; бывшій священникъ Теодотъ Соколовъ, а при постриженіи въ иночество іеромонахъ Анатолій. Въ томъ же году награждены Его Пресвященствомъ скуфьею: священники Псковградскихъ церквей—Новозыбатовской Михаилъ Гринскій и Успенской исправительнаго отдѣленія Василій Евстратовъ.

Исключены из списков за смертью священник пог. Верхоустья, Псковскаго уѣзда, Леонидъ Раевскій (7 іюня); дьяконъ Успенской церкви гор. Великихъ Лукъ Василій Чистовскій (21 іюня); псаломщикъ пог. Гинюкъ, Островскаго уѣзда, Іоаннъ Ивановскій (11 іюня); псаломщикъ Михаило-Архангельской церкви пог. Вышгорода, Порховскаго уѣзда, Николаѣ Ароматовъ (22 іюня); заштатный священникъ пог. Острия, Опочецкаго уѣзда, Василій Великотный (11 іюня); священникъ пог. Дворицы, Новоржевскаго уѣзда, Василій Ратьковскій (26 іюня); Островскаго Спасо-Казанскаго монастыря монахиня Евгенія (22 мая); заштатный священникъ пог. Пятюгова, Торонецкаго уѣзда, Алексѣй Павловскій (14 іюня); заштатный дьяконъ пог. Загаря, Великолукскаго уѣзда, Василій Никольскій (19 мая).

Резолюціями Его Пресвященства: *уволнены отъ занимаемыхъ мѣстъ:* и. д. псаломщика пог. Золвін, Торонецкаго уѣзда, Михайлъ Луцко (24 іюня); ир. и. д. псаломщика с. Гривина, Новоржевскаго уѣзда, Михайлъ Бѣлогородскій (7 іюля).

Уволены за штатъ: псаломщикъ с. Квиза, Холмскаго уѣзда, Пелагій Доромедовъ (3 іюля); священникъ пог. Негтя, Псковскаго уѣзда Дмитрій Раевскій (3 іюля, а 9 іюля Раевскій умеръ).

Определены на мѣста: священникъ къ Никитской церкви гор. Пскова кандидатъ Императорской Казанской духовной Академіи, священникъ Никандръ Троицкій (12 іюня); въ пог. Хрищево, Новоржевскаго уѣзда, псаломщикъ Николаевской церкви, гор. Холма Александръ Камелскій (25 іюня); на діаконское: въ пог. Плесо, Новоржевскаго уѣзда, псаломщикъ пог. Криновичъ, Псковскаго уѣзда, Александръ Ивановъ (25 іюля).

Переимѣнены: на священническое мѣсто въ пог. Михеево, Новоржевскаго уѣзда, священникъ пог. Навережья, Островскаго уѣзда, Леонидъ Печанскій (12 іюня); на псаломщическое мѣсто—къ Николаевской церкви гор. Холма—псаломщикъ Николаевскаго собора пригорода Изборска Павелъ Гривскій (7 іюля); псаломщики Псковоградскихъ церквей: Паромо-Успенской Валилій Смирновъ и Іоанно-Предтеченскаго монастыря Борисъ Карасевъ—одинъ на мѣсто другого (17 іюня).

Священникъ пог. Манушкина, Торонецкаго уѣзда, Іоаннъ Меньшиковъ уволенъ отъ должности духовнаго слѣдователя 2 Торонецкаго округа; вмѣсто него духовнымъ слѣдователемъ того же округа назначенъ священ. пог. Ново-Покровскаго Петръ Скоропостыжный (3 іюля). Священникъ пог. Добрыничъ, Новоржевскаго уѣзда, Теодоръ Виноградовъ назначенъ духовнымъ слѣдователемъ 2 Новоржевскаго округа (17 іюня).

Вакантныя мѣста—свѣщеннычскія: при Донухинской пер. и Каракуинь, Порхов. у.; и. Колвинъ Пск. у.; и. Мезвичъ, Порх. у.; и. Плескхъ, Новорж. у.; при Эстонской Введенской цер. г. Великхъ-Дукъ: діаконскія: при Богоявленскомъ соб. г. Холма; и. Ново-Инокровскомъ, Торон. у.; и. Жадро, Опочец. у.; и с л о ж щ а ц к і я: г. Гривинъ, Новоржев. уѣ.; пог. Печихахъ и Торошинъ, Псков. у.

Письмо Его Преосвященству, Преосвященнѣшему Евсеію, Епископу Псковскому, Исп. об. Предѣдателя Петроградскаго Славянскаго Благотворительнаго общества іюня 19 дня 1915 г.

Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырь.

Къ предстоящему 900 лѣтію со времени кончины св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра, Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ издано „Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра“, принадлежащее перу извѣстнаго историка И. П. Малышевскаго.

Представили при семъ, для ознакомленія, одинъ экземпляръ этой брошюры, имѣю честь покорнѣе просить Ваше Преосвященство обратить на нее вниманіе и рекомендовать ее вѣрному Вамъ духовенству и начальствующимъ учебнымъ заведеніямъ для раздачі народу и учащимся и для приобретенія въ бібліотеки церквей и школы. Цѣна брошюры 15 коп., но для духовенства и учащихся Славянское Общество готово сдѣлать уступку 30⁰/₁₀ и, при условіи выписки на сумму не менѣе 3 руб., готово принять на свой счетъ расходы по пересылкѣ книгъ.

Испрашивая Архипастырскихъ молитвъ Вашихъ и благословеній, съ истиннымъ почтеніемъ и глубокою преданностію имѣю честь быть Вашего Преосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря покорнѣйшимъ слугою и послушникомъ исп. об. предѣдателя проф. *И. Пальмовъ*.

На подлинномъ резолюція Его Преосвященства, отъ 7 іюля 1915 г. за № 2794 послѣдовала: *«Прошу духовенство выписать упоминаемую здесь брошюру въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ».*

Съ подлиннымъ вѣрно:

Секретарь Ковенсторіи *В. Филипповскій*

Секрѣтъ Стодоначальникъ *Н. Волковъ*.

Отъ Совѣта Вревской второклассной женской школы.

Пріемные экзамены въ школу извѣствуютъ быть 1 сентября; за содержаніе въ общежитіи—плата 30 р. въ годъ и 2 р. 50 к. за право пользованія учебниками и учебными пособиями.

О Б Р А Щ Е Н І Е.

Высочайше утвержденная въ 9 день апрѣля 1915 г. Чрезвычайная Комиссія для разслѣдованія нарушеній законовъ и обычаевъ войны австро-венгерскими и германскими войсками, отрывая свои дѣлѣнія, въ видахъ своевременнаго и немедленнаго разслѣдованія, обращается ко всѣмъ учреждениямъ, къ органамъ печати и къ отдѣльнымъ лицамъ съ просьбой сообщать Комиссіи, въ стѣсняемъ формой—устно или письменно—обо всѣхъ извѣстныхъ имъ случаяхъ проявленія австро-венгерскими и германскими войсками зверствъ надъ вашими воинами, пленныхъ надъ пѣхотцами, надъ мирными жителями, ограбленій и безцѣльнаго употребленія имущества ихъ, злоупотребленій бѣлыми флажками, нарушеній неприкосновенности учреждений Краснаго Креста и т. п. Только при полномъ и широкомъ содѣйствіи учреждений, печати и частныхъ лицъ возможно успѣшное выполненіе Высочайше предначертанныхъ Стѣдственной Комиссіи задачъ.

Дѣлопроизводство Чрезвычайной Стѣдственной Комиссіи открыто въ зданіи Правительствующаго Сѣмата отъ 11 до 4 часовъ дня въ будни, и въ праздники—отъ 11 до 12 часовъ дня.

Свѣдѣнія представителямъ печати выдаются въ будніе дни отъ 11 до 1 часу дня.

Редакторъ М. Кутузовъ.

Янъ Гусъ—его жизнь и ученіе.

(Продолженіе) ¹⁾.

Какъ проповѣдникъ въ строгомъ смыслѣ *народный*, Гусъ въ своихъ проповѣдяхъ останавливался и на тяжеломъ, безправномъ общественномъ положеніи чешскаго престолюдина. Его возмущало пренебрежительное отношеніе привилегированныхъ классовъ къ мужику. Рѣзкія слова: «ты—хлапъ», считаются болѣе унизительными, чѣмъ: «ты—еротикъ или негодяй». Жизнь и честь бѣднаго человѣка ставятся ни во что. Убить священника ²⁾ хлапа изъ ружья, никто не осудитъ убійцу, наоборотъ, по его адресу раздастся изъ общественной среды одобрительный голосъ: «дѣльный ксендзь! какъ онъ изъ ружья уложилъ хлапа!». Между тѣмъ несчастнаго хлапа за одно лишь неосторожное слово противъ нава привлекаютъ къ суду, подвергаютъ денежной пенѣ, а ильгъ и смертной казни. При разборѣ дѣла судьи сбиваютъ подсудимаго пустиками, запугиваютъ его своимъ крикомъ: «смотрите, какъ онъ говорить—на каждомъ словѣ запинается; ступить не умѣетъ, перстень для креста не можетъ правильно сложить, ни поклониться, ни поблагодарить». Если правда и на сторонѣ бѣдняка, его всетаки принуждаютъ уступить, отказаться отъ нека, потому что поблагодарить судью ему печаль.

¹⁾ См. № 13-й „Псков. Еп. Вѣд.“ за 1915-й годъ.

²⁾ По-чешски священникъ—кнез, собств.—князь. Ср. польское названіе: ксендзь.

Гусъ возстаетъ и противъ средневѣковаго порядка расширять жизнь челоуѣка примѣнительно къ его общественному положенію. «Откуда—говоритъ онъ—взяли не христіанскій обычай за убійство седлака налагать штрафъ въ 5 копѣ, горожанина—на 5—10 копѣ дороже, чѣмъ седлака, пана—на 40, чѣмъ горожанина? Развѣ передъ глазами Бога праведный седлачекъ хуже дороже злого пана?» Гордой феодальной знати Гусъ бросаетъ въ глаза: «знайте, что не худо бы было, если бы богатые почитали бѣдныхъ»; помимо религиозныхъ соображеній, онъ приводитъ подтвержденія этому изъ исторіи языческой жизни, указываетъ и на личный свой примѣръ. «Раньше я и свѣшилъ съ поклономъ къ богатому и знатному и обходилъ бѣднаго, но теперь понилъ свой грѣхъ, съ радостію готовъ принять добрый советъ хотя бы и отъ простой старушки, особенно, если она наставляетъ меня жить добродѣтельнѣе».

Неудивительно, что за любовь къ себѣ Гуса и простой народъ платилъ ему такую же любовь. Стоило появиться Гусу въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ или селѣ, народъ окружалъ его толпами, со всѣхъ сторонъ тянулись къ нему на возахъ, чтобы послушать его проповѣдь.— замѣчаетъ старинный чешскій лѣтописецъ подлѣ 1413 г. Народная масса—вотъ главная опора въ религиозно-общественной дѣятельности Гуса, хотя и во всѣхъ классахъ чешскаго общества съ сочувствіемъ и любовью относились къ знаменитому учителю.

Но общественному своему служенію самъ Гусъ не придавалъ особаго значенія. Его главная мысль была направлена на религиозно нравственное возрожденіе народа, на реформу чешской церковной жизни. Въ какомъ видѣ должна была, по мысли Гуса, прозойти эта реформа, изъ его сочиненій трудно составить ясное представленіе. Положительные взгляды Гуса, какъ реформатора, вообще не ясны; кажется, они даже не успѣли окончательно сложиться. Въ его религиозной дѣятельности выступаетъ на первый планъ критическая сторона—обличеніе церковныхъ нестроеній, но путь ихъ устраненія намѣчается Гусомъ лишь вскользь, весьма неопредѣленно.

Недостатковъ въ чешской религиозной жизни, какъ среди мірянъ, такъ и среди духовенства, было очень много, и борьба съ ними началась раньше Гуса. Его предшественниками были пѣмецъ Вальдгаузенъ, чехи Янъ Миличъ, Матвей изъ Явова, Тома Штитный. Но они не порывали сношеній съ церковною властію, въ случаѣ несогласій съ ея взглядами безпрекословно подчинялись ея авторитету, отказывались отъ

выказанныхъ мнѣній. Такъ, напр., поступилъ самый серьезный изъ чешскихъ проповѣдниковъ—Мяличъ, по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли мирно чаще допускать къ причащенію. И Гусъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности поступалъ такъ же. Реформы церковной онъ ожидалъ отъ высшей церковной власти и съ представителемъ ея—пражскимъ архіепископомъ Збінкомъ находилъ оффиціально въ близкихъ отношеніяхъ. Збінекъ назначилъ Гуса синодальнымъ проповѣдникомъ, сдѣлалъ его какъ-бы своимъ помощникомъ по надзору за духовенствомъ ¹⁾. Онъ давалъ Гусу важныя порученія въ видахъ устраненія особенно бросающихся въ глаза злоупотребленій. Такъ, напр., въ 1405 г. по главѣ коммисіи изъ трехъ мѣстровъ Гусъ былъ командированъ въ мѣстечко Вильсенау, гдѣ, какъ выяснито слѣдетвіемъ, священники, окропивъ своею кровью оладушки, выдавали это, въ корыстныхъ цѣляхъ, за чудесно сохранившіеся остатки крови Христовой. Довѣріе архіепископа къ Гусу продолжалось до конца 1408 г., Гусъ же сохранялъ уваженіе къ Збінку и послѣ размолвки съ нимъ. Онъ уважалъ архіепископа за его высоконравственную жизнь, хотя и сожалѣлъ, что по недостатку образованія Збінекъ подчинился дурнымъ совѣтникамъ и что въ столкновеніяхъ съ противниками обнаруживалъ больше угрызства, чѣмъ благоразумія.

Главною причиною охлажденія Збінка къ своему помощнику была слишкомъ резинствал его проповѣдь противъ недостатковъ въ жизни духовенства ²⁾, подозрѣніе же Гуса въ симпатіяхъ къ взглядамъ Вилклефа имѣло значеніе скорѣе лишь повода къ разожженію на него оная. Съ ученіемъ Вилклефа архіепископъ мало былъ знакомъ, но такъ какъ Вилклефъ былъ уже признанъ католическою церковію за еретика, то одного этого было достаточно для Збінка, чтобы съ осужденіемъ отнестись ко всякой попыткѣ популяризаціи идей англійскаго богослова въ католической Чехіи.

Первые споры изъ-за вилклефизма начались собственно въ университетской средѣ, по инициативѣ профессоровъ—вѣмцевъ. Они въ

¹⁾ Въ обязанности синодальнаго проповѣдника входило на соборѣ духовенства дѣлать ему наставленія въ формѣ проповѣди, указывать на замѣчательныя при обзорѣ епархіи недостатки въ жизни духовенства, не называя при этомъ именъ и лицъ.

²⁾ Какъ разъ въ 1408 г. пражское духовенство жаловалось Збінку на Гуса, что онъ въ своихъ проповѣдяхъ въ Вилкелемской часовнѣ веритъ духовенство, и въ частности, слишкомъ расширяетъ понятіе о симоніи.

1403 г. подняли вопросъ объ обсужденіи 45 положеній изъ ученія Виллефа, а одновременно и о запрещеніи профессорамъ пользоваться въ своихъ лекціяхъ сочиненіями этого ученаго. Профессора—чехи, въ томъ числѣ и Гусъ, оспаривали оба предложенія нѣмецкихъ профессоровъ. Но главная роль среди чешскихъ защитниковъ и почитателей Виллефа принадлежала тогда не Гусу, а его учителю—*Станиславу* изъ *Энома*. Послѣдній защищалъ взгляды Виллефа съ такою рѣзкостью въ отношеніи къ противникамъ, что своимъ поведеніемъ вызвалъ неудовольствіе даже среди своихъ единомышленниковъ. Гусъ же держалъ себя осторожно; онъ указывалъ только, что обвинитель—ректоръ университета *Гюбнеръ*, измыслилъ много такого, что Виллефу не принадлежитъ; настаивалъ на болѣе объективномъ отношеніи къ дѣлу.

Большинствомъ нѣмецкихъ голосовъ постановленіе объ осужденіи тезисовъ Виллефа состоялось, но практическаго значенія это университетское постановленіе не имѣло: чешскіе профессора попрежнему пользовались сочиненіями Виллефа. Осужденіе лишь обострило и безъ того норовныя отношенія національныхъ университетскихъ группъ. Нѣмецкіе профессора не опускали теперь случая уколоть чешскихъ своихъ коллегъ намеками на ихъ склонность къ виллефизму.

Черезъ пять лѣтъ споръ возобновился и привелъ къ окончательному разрыву нѣмецкой и чешской университетскихъ группъ. Теперь публичными защитниками ученія Виллефа выступили Гусъ и его ученикъ—*Геронимъ Пражскій*, и университетскій диспутъ окончился въ ихъ пользу. На этотъ разъ споръ не ограничился стѣнами университета. Противниковъ Гуса поддерживалъ архіеп. *Збинекъ*, сторонниками Гуса и Геронима, кромѣ чешскихъ студентовъ, явилась народная масса—слушатели Гуса въ *Виллемской часовнѣ*. На соборѣ духовенства *Збинекъ* не только подтвердилъ университетское осужденіе Виллефа, но и, подъ угрозой церковнаго наказанія, потребовалъ, чтобы всякій имѣющій у себя списки сочиненій Виллефа немедленно представить ихъ архіепископу. Затѣмъ, отъ папы *Александра V Збинекъ* добился особой буллы, предоставлявшей ему право принять рѣшительныя мѣры къ уничтоженію въ Чехіи виллефовой ереси.

Гусъ и теперь не хотѣлъ входить въ открытыя столкновенія со *Збинкомъ*; онъ представилъ ему списки сочиненій Виллефа, но просилъ при этомъ архіепископа внимательно ихъ разсмотрѣть. Архіепископъ, вмѣсто разсмотрѣнія, распорядился просто сжечь книги, какъ ерети-

чекій, и одновременно издалъ запрещеніе произносить проповѣди въ часовняхъ. Не называя прямо Гуса, запрещеніе это, очевидно, было направлено глав. образомъ противъ него.

Гусъ не подчинился послѣдному распоряженію, апеллировалъ къ папѣ, а дѣйствія архіепископа называлъ неразумительными. «Я называю сожженіе сочиненій Виллефа дурнымъ дѣломъ, такъ какъ подобное уничтоженіе книгъ не извлекаетъ изъ сердца человѣческаго зла, но уничтожаетъ многія истинныя и добрыя мысли», — говорилъ онъ. Дѣйствія Збинка тѣмъ болѣе должны были раздражить Гуса, что изъ 16 сожженныхъ сочиненій Виллефа только 5 по содержанию своему были богословскими, остальные же, какъ трактаты философскіе, прямого отношенія къ вопросамъ вѣры не имѣли.

Прага стояла на сторонѣ Гуса. Толпы народа, руководимыя студентами, въ уличныхъ сѣвяхъ зло высмѣивали виговника аутодфе. «Заяцъ архіепископъ *абцеда* ¹⁾ съелъ книги, а не вѣдаетъ, что въ нихъ написано». Раздраженный архіепископъ отлучилъ Гуса и его сторонниковъ отъ церкви. Но и эта энергичная мѣра оказалась неэффективной. Гусъ по-прежнему проповѣдывалъ въ Вполеемской часовнѣ и читалъ университетскія лекціи о сочиненіяхъ Виллефа. Наконецъ, свѣтская власть, изъ цѣляхъ уладить дѣло, взяла на себя роль посредника между Збинкомъ и Гусомъ. Король Венцеславъ вытался если не примирить спорившихъ, то, по крайней мѣрѣ, поставить ихъ въ нейтральное положеніе. Примирить противниковъ, дѣйствительно, не удалось, но дальнѣйшихъ рѣзкихъ столкновеній у Збинка съ Гусомъ не было. Въ 1411 г. Збинекъ умеръ.

При новомъ пражскомъ архіепископѣ—*Албино*, произошли въ церковной жизни новыя событія, которыя вызвали окончательный разрывъ Гуса съ высшею церковною властію, а затѣмъ привели его на судъ Константинскаго собора и на мученическую кестеръ.

Въ концѣ 1411 г. папа Іоаннъ XXIII, нуждавшійся въ деньгахъ для борьбы съ византійскимъ королемъ Владиславомъ, обратилъ къ обычному въ средніе вѣка способу собранія денегъ— назначилъ продажу индульгенцій. Но изъ Праги палекій посланецъ, несмотря на покровительство архіепископа, вынужденъ былъ обратиться съ пустыми руками: противъ продажи индульгенцій выступилъ Гусъ.

¹⁾ Намекъ на необразованность арх. Збинка. Заяцъ—его фамилія. На-чешскомъ языкѣ ибени ишветъ илье рижованнаго стича

По принятому обычаю, вопросъ о правѣ паны на продажу индульгенцій первоначально добатировался въ университетѣ. Среди чешскихъ профессоровъ на этотъ разъ не обнаружилось такого единодушія, какое было раньше, при защитѣ тезисовъ Виклефа и по вопросу объ изгнаніи изъ университета иѣмцевъ. Изъ некоторыхъ изъ профессоровъ, во главѣ съ упомянутымъ уже учителемъ Гуса—Станиславомъ Зноимскимъ и деканомъ философскаго факультета Стефаномъ Палечемъ открыто стали на сторону паны, кореннымъ образомъ разошлись во взглядахъ съ Гусомъ. Ихъ поддержала и высшая церковная власть—какъ въ лицѣ пражскаго архіепископа, такъ и самого паны. Вокругъ главныхъ противниковъ Гуса сгруппировалось и мѣстное духовенство, враждебно настроенное къ Гусу за его обвинительныя проповѣди.

Но и у Гуса было много сторонниковъ. Его поддерживали при дворѣ, особенно духовная дочь Гуса—королева Софы. Было даже издано распоряженіе объ удаленіи изъ Праги главныхъ противниковъ Гуса—Зноимскаго и Палеча. Самый споръ объ индульгенціяхъ вышелъ уже изъ рамокъ ученаго университетскаго разсмотрѣнія. Онъ сдѣлался главнымъ предметомъ вполеемскихъ проповѣдей Гуса, заинтересовала собою народныя массы. Изъ среды мірянъ выступали совопросники, своимъ возраженіями ставившіе въ затруднительное положеніе защитниковъ продажи индульгенцій. Трое изъ такихъ спорщиковъ за свою смѣлость заплатили даже жизнью. Ихъ тѣла, при громадномъ стеченіи народа, при обихомъ иѣвнѣ: *Isti sunt sancti*, были перенесены въ Вполеемскую часовню и торжественно здѣсь погребены. Волненія разрастаются тѣмъ болѣе, что и противники Гуса не бездѣйствовали. Они добились отъ паны отлученія Гуса отъ церкви и положенія интердикта на Прагу и на всѣ вообще мѣста, которыя дадутъ хотя-бы временный пріютъ отлученному. Къ прежнимъ спорнымъ вопросамъ прибавился новый: имѣеть-ли папа право налагать запрещеніе на цѣлый народъ, и въ какомъ вообще случаѣ христіанинъ можетъ быть отлученъ отъ церкви?

Возбужденное настроеніе съ обѣихъ сторонъ усиливалось. Гусъ отказался явиться въ Римъ, на судъ папской курии; не желая же подвергаться пражанъ тяжелымъ послѣдствіямъ интердикта, онъ, по совѣту короля, въ концѣ 1412 г. добровольно оставилъ Прагу и поселился въ мѣстечкѣ Козьмь-Градькѣ. Здѣсь въ уединеніи Гусъ написалъ большую часть своихъ сочиненій, въ томъ числѣ и Трактатъ о Церкви. Но онъ не оставалъ и устной проповѣди, посѣщалъ окрестности и

поучаль народъ. Удаленіе Гуса изъ Праги способствовало, такъ обр., лишь болѣе широкому распространенію его ученія. Противники Гуса жаловались, что «ядовитыя его сочиненія» противъ папства, распро­стралились теперь не только по всей Чехіи, но и за предѣлами ея— въ сосѣднихъ съ нею земляхъ—Польшѣ и Венгріи. Нужно было во что бы ни стало прекратить опасную для папства дѣятельность чешскаго проповѣдника, а это, какъ знаемъ, было достигнуто 6 іюля 1415 г. въ г. Констанцѣ.

Таковы были вѣншія условія, въ которыхъ развивалась церковно-проповѣдническая дѣятельность Гуса. Они не могли отозваться на ней благоприятно. Спорившія стороны лишены были возможности болѣе или менѣе спокойно, объективно обсудить спорные вопросы; онѣ вносили въ споръ много личнаго элемента—раздражительнаго чувства. О взаимныхъ уступкахъ не могло быть и рѣчи.

Противники Гуса не скрывали своего намѣренія *какими-бы то ни было средствами заставить его замолчать. Изъ ихъ рядовъ по адресу Гуса раздавались рѣзкіе отзывы: «блудный виклефистъ», «еретикъ, какого не было еще отъ Р. Х.», «Гусъ хуже діавола» и т. п. Эти злобныя выходки и нечестные приемы борьбы, естественно, раздражали и Гуса, нарушали его душевное равновѣсіе, вызывали и съ его стороны тоже рѣзкую отповѣдь. Въ минуты сиравадилваго негодованія и него вырвались иногда фразы, которыя противниками Гуса легко было истолковать въ томъ смыслѣ, въ какомъ имъ нужно было, и которыя впоследствии, на Констанцкомъ соборѣ, значительно осложнили для Гуса процессъ самозащиты ¹⁾. Самое содержаніе проповѣдей Гуса подъ вліяніемъ такихъ вѣншихъ условій приняло нѣсколько одностороннее направленіе.

По словамъ старинныхъ чешскихъ писателей, въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности Гусъ не затрогивалъ публично недостатки въ жизни духовенства; съ своими обличеніями онъ обращался преимущественно къ мірянамъ. И духовенство относилось къ Гусу со-

¹⁾ Такъ, напр., по поводу клички: «блудный виклефистъ», Гусъ, по словамъ его обвинителей, говорилъ: «я желалъ бы, чтобы послѣ моей смерти моя душа была тамъ же, гдѣ находится душа Виклефа». Чтобы сгладить нѣсколько рѣзкость этой фразы, Гусу пришлось приблизиться въ сущности къ софистическому приему ограничительнаго толкованія ея смысла, пояснить, что онъ выразился лишь предположительно, думая, что Виклефъ, какъ добрый христіанинъ, будетъ спасенъ.

чувственно. «Пока Гусь ^{к+с} обличать грѣхи лишь мірян, духовенство очень его хвалило, отзывалось, что устами Гуса говорить Духъ Св. Но когда въ своихъ проповѣдяхъ онъ сталъ обличать и духовныхъ лицъ, начиная съ папы и кончая простымъ священникомъ,—за ихъ гордость, роскошь, безправственную жизнь, святокуство, за стремленіе къ свѣтской власти, къ приобретенію земельныхъ владѣній,—духовенство возмущилось противъ проповѣдника и стало утверждать, что въ Гуса вселился дѣволъ, что онъ ^{к+с} еретикъ». —передаетъ замѣтка подл. 1410 г. въ одномъ чешскомъ сочиненіи XVI в.

По чешскимъ сочиненіямъ Гуса, написаннымъ преимущественно въ послѣдніе годы его жизни—1413—14¹⁾, нельзя точно воспроизвести этотъ первый періодъ въ проповѣднической дѣятельности Гуса. Обличеній противъ мірянъ и въ этихъ сочиненіяхъ много: проповѣдникъ не опускалъ изъ вниманія ни одного болѣе или менѣе крупнаго недостатка въ жизни разныхъ классовъ чешскаго общества. Но ясно, что главныя обличенія Гуса (даже и по количеству) направлены не на эту сферу, а на духовенство, и что настроеніе проповѣдника въ обоихъ случаяхъ неодинаковое. Въ то время, какъ въ релігиозно-нравственное возрожденіе своей паствы Гусъ вѣритъ и даже наблюдаетъ очевидные этому факты, духовенство въ массѣ своей ему представляется неперемѣннымъ. Въ его глазахъ это тѣ ипполиты и фарисеи, которыхъ обличать Спаситель: служители Ваала, противъ которыхъ возвышалъ свой грозный голосъ ветхозавѣтные пророки.

Примѣняя къ современному духовенству слова Спасителя о соли обуглившей, Гусъ замѣчаетъ: «о, Господи, если бы твое слово исполнялось, сколько бы пришлось выбросить священниковъ, какъ негодной соли!» Въ другой разъ, останавливаясь на словахъ Христа о соблазителяхъ, говорить: «о, милый Христе! если бы по Твоему совѣту поступать съ каждымъ соблазнителемъ, то мало бы осталось священниковъ и монаховъ, начиная съ папы и кончая наименьшимъ изъ духовныхъ лицъ. Да и куда бы намъ дѣть священниковъ и монаховъ съ ихъ ожогательными, когда у насъ и моря нѣтъ? Если бы топить ихъ съ ихъ женами и съ жерновами на шеѣ въ нашей рѣкѣ, то они остановили бы ея теченіе, образовали бы собою въ своемъ родѣ рыбнищя». Объясняя слова апостола о коринфскомъ кровосмѣшникѣ, Гусъ поддер-

¹⁾ Сочиненія эти, конечно, не охватываютъ собою всего содержания проповѣдей Гуса.

живаетъ, что, по м. лнѣ Златоуста, это былъ священникъ, и дѣлаетъ соответствующее примѣненіе къ современному духовенству

Перваго обвинительнаго рѣчь Гуса о духовенствѣ заканчивается рѣзкими словами: «онъ, безстыдные псы», или: «чертовы паны» и т. п. Гусъ допускалъ, что его рѣзкія обвиненія духовенства могутъ кому-ниб. показаться пристрастными; онъ, такъ сказать, съ фактами въ рукахъ разъясняетъ правдивость своихъ обвиненій. «Возразить мнѣ: *«неправду говоришь, помозишь духовенство»*; а я на это отвѣчу, что при мнѣ въ костелѣ В. М., въ Тингѣ, среди бѣлаго дня застали священниковъ съ женщинами, такъ что пришлось послѣ этого освящать костелъ. Но если бы всегда такъ поступать, то мало бы осталось монастырей и костеловъ, которыхъ не нужно бы было освящать вторично. Добавилъ бы я и еще многое, болѣе дурное, изъ того, что знаю; но поручимъ Спасителю нашему: онъ все видитъ и ничего не оставитъ безъ наказанія».

Гусъ передаетъ поразительные факты распущенности тогдашняго духовенства, крайней небрежности его въ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, жадности, продажности—святоткуства и въ то же время непомѣрныхъ притязаній на безирекословный авторитетъ у мірянъ. Ограничусь отдѣльными примѣрами.

Конкубинатъ, какъ приное савѣствіе обязательнаго для духовенства безбрачія, считался такимъ обычнымъ явленіемъ, что церковная власть не обращала на него вниманія, старалась даже не пользоваться для себя своею молчаливою признаніемъ такого обязательнаго порядка. Священники открыто жили съ конкубинами, называя ихъ иногда сестрами, — «сестрами своего безнуждега», и писывать Гусъ. На Моравіи и въ Венгріи установилась даже особая дань, такъ называемая «поколыбельная»: священникъ за каждаго своего ребенка платилъ извѣстную сумму епископу, а тотъ возмещалъ свои расходы на прихожанахъ. «Можно ли назвать такихъ священниковъ пастырями: собираютъ овецъ христовыхъ, чтобы содержать своихъ дьявольскихъ блудницъ», — съ справедливымъ негодованіемъ говоритъ Гусъ. «Тѣми же устами, которыми за службу цѣлуешь Тѣло Божіе, послѣ службы цѣлуешь блудницу»; «изъ костела бѣжить въ притонъ и своимъ поведеніемъ тамъ вызываетъ смущеніе въ своей паствѣ». Никто, — говоритъ далѣе Гусъ, — такъ не заботится о жизненныхъ удобствахъ, роскоши, какъ священники и монахи. Недаремъ сложилась поговорка: «кто хочетъ лучше пожить, иди въ монахи»¹⁾.

1) По-чѣски получается рѣзковатый стихъ.

Жадность у духовенства къ деньгамъ и поборамъ не знаетъ предѣловъ. «Готовы весь свѣтъ поглотить»,—замѣчаетъ Гусъ. Прибѣгають ко всякимъ средствамъ и способамъ, чтобы мимо ихъ рукъ не ускользнула копейка бѣдняка. Последній галеръ, который бережливая старушка, завбзавъ въ тряпочку, положила въ укромное мѣсто, чтобы не нашелъ хищникъ—воръ, сумѣетъ выудить у нея хитрый святокупецъ—священникъ. Въ погонѣ за наживою не брезгаютъ ничѣмъ. Одинъ изъ священниковъ, располагая исповѣдниковъ къ большей щедрости, обращается къ нимъ съ такимъ назиданіемъ: «знайте, дѣтки, что три черта шли съ вами на праздникъ. Одинъ—съ цѣлюю запырять сердца ваши при исповѣди грѣховъ. Дѣтки! это злой чертъ. Другой хотѣлъ уста ваши закрыть, чтобы вы не молились и не хвалили Господа; этотъ еще злѣе. Третій шелъ съ цѣлюю закрыть ваши кошельки; а, милые дѣтки, вотъ онъ самый злой изъ всѣхъ чертей! А потому не дайте злѣйшему изъ всѣхъ дьяволовъ подчинить васъ себѣ: приступайте къ святынь, открывъ ваши карманы и кошельки». Другой священникъ въ Великую пятницу, подпуская богомольцевъ къ поклоненію кресту и язвамъ Христовымъ, безъ излишнихъ назиданій, просто требовалъ, чтобы за лабаніе каждой изъ пяти язвъ Христовыхъ клали ему по грошу. Наоборотъ, говоритъ Гусъ,—столько заупокойныхъ обѣдовъ, что если бы ежедневно служилъ священникъ по десяти литургій, то и въ такомъ случаѣ за пятьдесятъ лѣтъ не могъ бы выполнить всѣхъ вринятыхъ заказовъ.

Гусъ не ждетъ уже отъ высшей церковной власти устранения всѣхъ этихъ злоупотребленій. Епископы сами погрязли въ развратѣ и святокупствѣ, а папа является источникомъ церковныхъ нестроеній. Симонія такъ распространилась, что «скорѣ обрушится нашъ пражскій мостъ, чѣмъ святынь путемъ, безъ подкупа, пройдетъ по нему кто-нибудь на пражскій архіепископскій столъ». Епископскія мѣста занимаютъ нерѣдко такіе люди, которые негодны были-бы и свиней пасти. Между епископами и даже между панамъ встрѣчаются не умѣющіе, какъ слѣдуетъ читать. Естественно, что при такихъ условіяхъ на религіозное просвѣщеніе народа не обращается никакого вниманія. Напротивъ, священники держатъ народъ въ невѣжествѣ, запрещаютъ молиться на родномъ языкѣ и читать свящ. писаніе, чешскихъ проповѣдниковъ обзываютъ еретиками—веклефистами; пражскій архіепископъ и папа своими буллами останавливаютъ проповѣдь въ чешскихъ часовняхъ, въ которыхъ только и имѣетъ возможность народъ слышать слово Божіе на родномъ языкѣ.

Небрежно относясь къ своимъ обязанностямъ, духовенство ставитъ себя, однако, неизмѣримо выше мірянъ; требуетъ отъ послѣднихъ безпрекословнаго повиновенія; всякое указаніе со стороны мірянина на ту или другую безнравственную черту въ жизни и дѣятельности духовныхъ лицъ клеймитъ позорнымъ названіемъ ереси. «Дурной по жизни священникъ въ глазахъ Бога угоднѣе самаго достойнаго мірянина», — но стѣсняются заявлять своимъ обличителямъ священники. Они ставятъ себя выше не только мірянъ, но и Божіей Матери, такъ какъ: «Она одинъ разъ родила Сына Божія, а священникъ можетъ сотворить Тѣло Божіе, когда только захочетъ». Папа, котораго духовенство и ученые богословы называютъ «земнымъ богомъ», присваиваетъ себѣ право и власть распоряжаться даже св. ангелами. Въ буллѣ объ индульгенціяхъ папа Климентъ приказываетъ ангеламъ, чтобы тѣ души разрѣшенныхъ папою немедленно отнесли на небо. «Думается мнѣ, что это не приказаніе въ небеса, а волчье витье», — рѣзко, но справедливо замѣчаетъ по этому поводу Гусъ. Священники запугиваютъ простой народъ, указывая ему на свои исключительныя полномочія отъ Бога: «мы можемъ васъ и спасти, и въ адское пекло отравить». Удивительное дѣло, — говоритъ возмущенный такимъ самоибіемъ Гусъ: самихъ себя не могутъ избавить отъ блохъ и мухъ, а другихъ хотять освободить отъ адскихъ мукъ.

Гусу приходилось доказывать элементарную по своей очевидности мысль, что священный санъ самъ по себѣ не спасаетъ, если съ нимъ не соединены высоконравственная жизнь и ровностное исполненіе службы Божіей. Вводя нравственный принципъ въ оцѣнку достоинства каждаго члена Христовой церкви, независимо отъ вѣшняго его положенія въ ней, Гусъ говоритъ: «знай, что папа такъ же мало знаетъ о томъ — будетъ ли онъ спасенъ или нѣтъ, какъ и всякій седлакъ»; если онъ не подвизается въ дѣлахъ и въ жизни Христу, то онъ не намѣстникъ Христовъ, а проклятый антихристъ, и будетъ осужденъ.

Гусъ дѣлаетъ выводъ — очень смѣлый даже въ глазахъ его слушателей, съ точки же зрѣнія его противниковъ и совершенно недопустимый, — что седячекъ добрый, который живетъ по заповѣдямъ Божіимъ, у Бога можетъ быть выше и достоинѣе епископа. Своихъ слушателей Гусъ предостерегалъ не придавать излишняго значенія вѣшнему положенію того или другаго лица въ церкви, судить о немъ только по его жизни и вѣрѣ. «Вѣдь и Иуда въ глазахъ людей былъ достойнымъ апостоломъ, а въ глазахъ Божіихъ — злыиъ, проклятымъ діаволомъ». На возраженія противниковъ: «можно-ли допустить, чтобы грязный

хлопъ былъ достоинъ епископа», Гусъ отвѣчалъ простымъ, понятнымъ для всѣхъ вопросомъ: «найдется-ли на свѣтѣ такой глупый человѣкъ, который не предпочелъ бы быть добрымъ седлячкомъ, чѣмъ злымъ епископомъ». Руководясь этимъ принципомъ нравственной оцѣнки члена Христовой церкви, Гусъ такъ часто противопоставлялъ своихъ «добраго седлячка» и «богобоязненную бабичку» развращенному духовенству, что далъ поводъ въ очель епископскому для себя обвиненію. На Константскомъ соборѣ обличителя Гуса, между прочимъ, указывали, что, по его ученію, простая женщина въ церкви можетъ стоять выше, быть достоинѣе, чѣмъ папа. II Гусу пришлось оговориться, что, разсуждая такъ, онъ имѣлъ въ виду Матерь Божию и некоторыхъ св. женъ подвижницъ, которыя, въ церкви небесной, въ сонмѣ святыхъ стоятъ несомнѣнно, выше папы.

Изыскавшись въ возможности проведенія церковной реформы высшею церковною властію, Гусъ призывалъ само чешское общество устроить по крайней мѣрѣ наиболее крупныя безпорядки въ мѣстной церковной жизни. «Этотъ злой обычай (симонія) долженъ быть уничтоженъ... Государи, князья, паны, рыцари! очнитесь отъ своего непробуднаго сна, въ который погрузило васъ духовенство: изгоните изъ вашихъ владѣній злую ересь святокупства». Гусъ прямо заявлялъ, что національная церковь имѣетъ право самостоятельно разрѣшать свои религіозныя дѣла, безъ вмѣшательства римской куріи. Заражена-ли Англія ересью Виколефа, этотъ вопросъ нужно предоставить рѣшенію самихъ англичанъ, говорилъ онъ на допросѣ въ Констанцѣ. Въ сущности тѣмъ же мотивомъ, что и его дѣло, какъ чешское, должно рѣшаться въ Чехіи, руководился Гусъ, когда отказался явиться на судъ въ Римъ, въ папскую курію. Въ концѣ своего сочиненія: «о святокупствѣ», Гусъ разъясняетъ, что свѣтская мѣстная власть имѣетъ полное право вмѣшиваться въ дѣло назначенія папою духовныхъ лицъ: «если бы римскій епископъ назначилъ въ чешское королевство негоднаго къ епископскому служенію чловѣка, то король имѣетъ власть не принять назначеннаго папою и не поставить другого — достойнаго». Князья и паны не только могутъ, но и должны преслѣдовать недостойныхъ священниковъ. По вопросу о борьбѣ съ интердиктомъ Гусъ готовъ бы рекомендовать даже очень рѣзительную мѣру, но воздерживается отъ нея, видя, что она покажется народу слишкомъ крутою, необычною. «Не знаю, — говоритъ онъ, — хорошо-ли я вступилъ или дурно (когда временно оставилъ Прагу, вѣлѣдствіе наложиша папою интердикта). Но если бы народъ, ставъ за правду Божию, рѣшилъ временно обойтись и безъ ихъ службъ,

хоронили бы умершихъ безъ церковнаго отгѣванія, а дѣтокъ, по великой нуждѣ, сами бы крестили, то Г. Богъ м. б. и помощь бы разорвать эти антихристовы свѣи».

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Гуса было бы, однако, ошибочно усматривать протестантскій отгѣнокъ его религіознаго міровоззрѣнія. Во взглядѣ на іерархію Гусъ одинаково далекъ и отъ протестантскаго пониманія священства въ духовномъ смыслѣ, и отъ безразлично-отрицательнаго взгляда Виклефа, принципиально допускавшаго возможность безъ іерархическаго устройства церкви. Гусъ не отрицалъ ни таинственнаго значенія въ христіанской церкви іерархіи, ни особыхъ ея полномочій и положеній; требовалъ только, чтобы этому соответствовала высоко нравственная жизнь служителей церкви. Онъ боролся лишь съ отрицательными сторонами учрежденія, но не съ его сущностью. Оттого безразличнымъ священникамъ онъ обычно противопоставляетъ, — немногихъ, правда, въ то время — «добрыхъ священниковъ» и къ своимъ письмамъ изъ Констанца проситъ проданныхъ ему чеховъ вслѣдствіе оберегать ихъ отъ враговъ: «ради Г. Бога, не позволяйте губить добрыхъ священниковъ».

Въ своихъ поученіяхъ Гусъ указываетъ слушателямъ, что духовныхъ своихъ отцевъ они должны любить и почитать больше, чѣмъ плотскихъ, такъ какъ епископъ или священникъ даетъ христіанину больше и лучше, чѣмъ отецъ тѣлесный. Развивая съ церковной каеедры необычную для того времени мысль, что мірнини въ глазахъ Бога можетъ быть иногда достойнѣе священника, епископа, даже папы, Гусъ въ то же время и путемъ отвлеченныхъ разсужденій, и на простыхъ, конкретныхъ примѣрахъ разъясняетъ слушателямъ важность и необходимость священническаго служенія. «Можеть, — говоритъ онъ, — и баба отпустить грѣхи, даже священнику, *если противъ нея ты согрѣшилъ*, — напр., соблазнилъ ея дочь или не хотѣлъ исповѣдывать ея безъ денегъ, но не можетъ баба ни совершать исковѣди, ни дать разрѣшенія отъ грѣховъ: это можетъ сдѣлать только священникъ». Въ другомъ случаѣ, указавъ, что иная простая женщина м. б. отпустила больше грѣховъ, чѣмъ папа, Гусъ даетъ такое поясненіе: «скажеть: Павна Марія отпустила грѣховъ больше, чѣмъ ап. Петръ, такъ какъ она простила даже распявшаго Ея Сына. Такъ, по помни, что она *простила* грѣхи только тѣмъ, которымъ *отпустила* Ея Сынъ». Такъ ясно для своихъ слушателей проводилъ Гусъ разницу между христіанскимъ прощеніемъ личныхъ обидъ и разрѣшеніемъ грѣховъ противъ Бога и его ученія въ таинствѣ покаянія.

Считая папство учрежденіемъ не божественнымъ — человеческимъ, самый титулъ римскаго епископа заимствованнымъ изъ язычества, допуская, наконецъ, что и безъ папства Христова церковь можетъ, какъ это и было въ первоначальной ея исторіи, управляться и жить несколько не хуже, даже лучше, Гусъ *принципально* не врагъ папскаго устройства католической церкви, только и въ этомъ случаѣ онъ выдвигаетъ на первое мѣсто, обычный свой, православленный принципъ. «Если папа исполняетъ законъ Божій, слѣдуетъ въ своей жизни Христу и апостоламъ, то онъ — святой отецъ; если же, наоборотъ, живетъ не по примѣру Христа, то впрямую занимаетъ Христово мѣсто, несправедливо называется святымъ отцемъ». Разъясняя, что вѣрять можно только во Христа, а не въ папу, и что только Христа, а не папу, можно любить выше всего, Гусъ добавляетъ: «но мы вѣримъ, что въ ряду священномъ папа занимаетъ самое высшее мѣсто».

Въ искаженномъ пониманіи папской власти — церковной и свѣтской ¹⁾. Гусъ видитъ главнымъ образомъ, католическихъ ученыхъ. Въ корыстныхъ цѣляхъ они страшатъ наученный людъ папою-отцемъ всесвятѣйшимъ, какъ-будто онъ владѣть можетъ міромъ и можетъ учинить, что захочетъ; надъ нимъ нѣтъ никакой внешней власти и никто не можетъ ему сказать: «почему ты такъ поступаешь?», такъ какъ папа не можетъ заблуждаться.

И въ порочной жизни современнаго духовенства значительную долю вины Гусъ слагаетъ на школу и на общественную среду. Школа, подготавливающая будущихъ священниковъ, не разъясняетъ своимъ питомцамъ высоты предстоящаго имъ служенія, не вырабатываетъ въ нихъ подлиннаго настроенія; она приковываетъ мысль питомца лишь къ вѣчному блеску будущаго его положенія. Воспоминаніями и примѣрами изъ личной своей студенческой жизни Гусъ разъясняетъ, какъ все это портитъ даже лучшихъ питомцевъ школы — по религиозной настроенности антиматеръ ²⁾. Общество, увлекаясь тою же вѣчною стороною въ

¹⁾ Последнюю Гусъ совершенно отрицаетъ.

²⁾ Гусъ изъ студенческой его жизни, по преданію, сохранилъ, напр., слѣдующее шиблетіе. Читая житіе св. мучен. Лавренція, сожженнаго въ Римѣ на желѣзной рѣшеткѣ, Гусъ былъ пораженъ твердостью и спокойствіемъ, съ которымъ св. Лавренцій обратился къ исполнителямъ казни: «испеклось уже, поворотите». Въ порывѣ восторга, Гусъ вложилъ руку въ горящую петку, а когда товарищи, оттащивъ его, стали саранивать, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, — Гусъ отбѣдилъ, что хотѣлъ испытать, до какой степени духъ человѣка можетъ быть нечувствителенъ къ страданіямъ плоти».

положенія духа, ⁴⁷ толкають молодежь на духовную службу, не подумавъ, какою отвѣтственностью ждетъ священника на судѣ Божіемъ. Не ограничиваясь наставленіями, Гусъ въ этомъ случаѣ далъ своей паствѣ прекрасный личный примѣръ. На погребеніи Гуса находились дѣти умершаго его брата. Независимо отъ ихъ личныхъ достоинствъ, уже самое родство съ Гусомъ открыло бы имъ, конечно, широкую и легкую карьеру на духовной службѣ. Но потому м. б. Гусъ и былъ противъ поступленія своихъ племянниковъ въ священники. Въ предсмертномъ завѣщаніи къ своему ученику—священнику Мартину, онъ проситъ его: «сыновей моего брата опредѣли въ какое-ниб. ремесло, по своему выбору: я боюсь, что, вступивъ въ духовное служеніе, они не будутъ исполнять, какъ слѣдуетъ, обязанностей своего сана».

Для характеристики взглядовъ Гуса на священство необходимо, наконецъ, отмѣтить, что, при всей своей страстной борьбѣ съ симоніею онъ не отрицалъ дѣйствительности за хиротоніею, совершенною епископомъ—святокущемъ: «хотя бы епископъ былъ и злой, однако, кто съ доброю мыслию и канонически правильно получаетъ отъ него посвященіе, тотъ принимаетъ даръ св. Духа—не отъ этого епископа, а отъ высшаго—Христа».

Такимъ образомъ, если Гусъ расходился во взглядѣ на іерархическое устройство церкви съ современнымъ ему, искаженнымъ ученіемъ католическихъ богослововъ, то еще дальше онъ стоитъ и отъ взглядовъ позднѣйшихъ протестантскихъ учителей, которые склонны были видѣть въ чешскомъ проповѣдникѣ своего предшественника и даже учителя. Догматическія воззрѣнія Гуса въ этомъ отношеніи совершенно сходны съ догматическимъ ученіемъ церкви Православной, точнѣе будетъ сказать: съ ученіемъ первоначальной Христіанской церкви.

При чтеніи въ чешскихъ сочиненіяхъ Гуса обличительныхъ страницъ, направленныхъ противъ духовенства, можетъ показаться, что иногда, подъ вліяніемъ личнаго раздраженія, Гусъ сгущалъ и безъ того черныя краски, изъ частныхъ фактовъ дѣлалъ слишкомъ общіе выводы: м. б. и вообще онъ поступалъ не совсѣмъ осторожно, когда выносилъ на судъ толпы темныя стороны въ жизни духовенства, подрывалъ этимъ въ глазахъ народа,—хотя и не намѣренно,—авторитетъ іерархіи вообще. Такой взглядъ не будетъ безусловно неправильнымъ. Но нужно при этомъ имѣть въ виду, что всѣ приведенные Гусомъ отрицательныя факты, несомнѣнно, достовѣрны. За это ручаются не только необыкновенная вообще правдивость чешскаго проповѣдника, но и историческія

свидѣтельства, современныя почти проповѣди Гуса, идущія къ тому же вовсе не изъ рядовъ противниковъ папства и духовенства.

У проф. Loserth'a, въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію: Гусъ и Виллефъ, изданы отрывки изъ византийской книги 1379 г. Здѣсь на каждомъ почти шагу мы встрѣчаемся съ слѣдующими замѣтками визитатора (благочиннаго) духовенства Пражской епархіи: «dominus plebanus держитъ конкубину», «съ давнихъ лѣтъ держитъ конкубину»; «конкубина часто посѣщаетъ плебана»; «въ домъ канониковъ открыто ходятъ женщины и это многихъ соблазняетъ»; «dominus plebanus любитъ посѣщать кабаки»; «отдаетъ въ ростъ деньги»; «не любитъ хоронить бѣдныхъ, такъ какъ не могутъ ому хорошо заплатить» и т. п.

Замѣтимъ также, что сами обличаемые Гусомъ не дѣлали даже и попытки обвинить его въ ложности приписываемыхъ имъ пороковъ. Изъ среды духовенства раздавался неистовый злобный вопль лишь противъ «дерзости» проповѣдника, который не побоялся вынести церковныя злоупотребленія на открытый судъ народной совѣсти, а не противъ ложности его обвиненій.

Н. Серебрянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Война и нѣмцы.

Въ грандиозной борьбѣ европейскихъ культурныхъ народовъ въ началѣ XX вѣка намъ приходится быть свидѣтелями торжества одухотворенной матеріи надъ исключительнымъ фактомъ механизации духа. Нѣмцы, развившіе у себя до послѣднихъ предѣловъ механизмъ административный, военный и индустриальный, почувствовавшіе себя обладателями машины огромной мощности, захватили подчинить себя, своей гегемоніи весь міръ и начали беззастѣнливо въ исторіи войну. Казалось, она навѣрняка все извѣсила и разсчитала; но результаты захваченной ими войны оказались совершенно неожиданными и несоотвѣтствующими самымъ точнымъ механическимъ вычисленіямъ и расчетамъ.

Но словомъ одного англійскаго профессора, «совершенно неожиданно, чисто моральная сила родила огромнаго напряженія физическую силу, и случилось, что крохотный народъ, сильный гордостью и честью

елой, оказали сопротивление могущественнейшей державѣ въ мірѣ. При крикѣ поправнаго права морская держава, точно изъ-подъ земли, вывела одинѣ, два, три милліона солдатъ! Чудо изъ чудесъ: въ странѣ, раздираемой на части волненіями и междоусобицами, всѣ въ мигъ единый сроднились, какъ братья!».

Послѣ этого исходъ войны, не благоприятный для зачинщиковъ, едѣлся несомнѣннымъ. Нѣмцы пустили въ дѣло всю безъ остатка накопившуюся за долгіе годы силу физическую, которая чѣмъ дольше, тѣмъ больше расходуется и ослабляется; сила же ихъ противниковъ все растетъ и развивается ввысь и вглубь. «Съ одной стороны—механизмъ, готовая машина, не могущая безъ посторонняго содѣйствія повредить нанесенныя ей поврежденія; съ другой—сила творчества, которая многомъ восполняетъ то, что было утеряно и изнежено. Называется идеальнѣйшая машина. Чѣмъ лучше она сконструирована, тѣмъ дольше она дѣйствуетъ, и тѣмъ сильнее ея сопротивление. Но изъ механики известно, что такіе машины перестаютъ дѣйствовать наружу».

Конечно, страшная германская машина поглотила и поглощаетъ множество прекрасныхъ и дорогихъ жизней. Таковъ неумолимый законъ жизни: при смертельномъ поединкѣ духа съ матеріей, побѣда первого, великіе моральные и культурные результаты этой побѣды неизбежно окунаются цѣною крови и слезъ. Важно то, что побѣждаетъ нетланный духъ человѣческій, а физическія страданія побѣдителей спасаютъ ихъ отъ моральнаго паденія, вызываютъ лучшія и благороднѣйшія чувства и общаютъ зарю новой свѣтлой и свободной жизни. Самая великая жертва ихъ въ этой войнѣ несетъ чудеснѣйшіе плоды.

Нѣмцы чувствуютъ это, но, въ ослабленіи своей долгими годами накопленной механической силы, не желаютъ отказаться отъ гордой идеи подчиненія себѣ міра, господства надъ нимъ. Преклоняясь предъ механическою силою, вѣруя въ непобѣдимую мощь бронированнаго кулака, они кощунственно мнятъ, что и Богъ на ихъ сторонѣ и помогаетъ имъ. Это заблужденіе усердно поддерживаютъ вѣмецкіе пасторы и проповѣдники; которые въ послѣднее время жгуче восхваляютъ войну, говорятъ объ ея святости... Одному норвежцу удалось попасть въ Берлинъ въ придворную лерковъ, и вотъ что онъ тамъ наблюдалъ, — о чемъ потомъ оповѣстали въ газетѣ «Temps»:

«Вольшая толпа собралась около кюедры: женщины, старикъ, нѣсколько раненыхъ. Зычнымъ голосомъ пасторъ Дривандеръ говорилъ на тему: «Иисусъ и война». Провѣтъ сводится къ развитію тезиса

Молитве: «Война—святое дѣло, война имѣетъ божественное происхождение. Это—одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ міра, она вселяетъ въ сердца людей всѣ вѣщныя, всѣ благороднѣйшія чувства: честь, безкорыстіе, доблесть, самоотверженіе, храбрость». Вся обстановка церкви соответствуетъ содержанию и тону проповѣди. Придворный архитекторъ помѣстилъ въ цѣхахъ не святыхъ и пророковъ, а влиятельныхъ военачальниковъ, заковананныхъ въ желѣзо, съ руками, скрещенными въ рукояткѣ меча. Какъ будто даже въ самомъ шествіи главная идея, которую хотѣтъ запечатлѣть, сводится все къ тому же тезису: сила выше права.

Духовные ораторы продолжаютъ теперь искать вдохновенія въ Ветхомъ Заветѣ. Борьба евреевъ съ филистимлянами и амалекитянами должна вдохновить и германцевъ въ борьбѣ съ ихъ вѣщными противниками. Одинъ пасторъ велъ свою бесѣду на текстъ изъ «Второзаконія» (гл. II): «И послалъ я пословъ къ Сигону, царю Есевонскому, со словами мирными, чтобы сказать: позволь пройти мнѣ землю твою; и пойду дорогою, не сойду ни направо, ни налево». Въ Библии повѣствуется, что Сигонъ не согласился позволить пройти черезъ свою землю и со всѣмъ народомъ своимъ выступилъ противъ евреевъ въ сраженіи: И предаль его Господь Богъ нашъ въ руки чужія и мы поразиша его, и сыновъ его и весь народъ его. «И взяли въ то время въ города его, и продали заклітію всѣ города, мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—не оставляя никого въ живыхъ».

Сигонъ, царь Есевонскій, само собой разумѣется, является какъ бы прообразомъ Алаберта, короля бельгійскаго, и весь приведенный эпизодъ долженъ служить полнымъ оправданіемъ поведенія новаго избраннаго народа, каковымъ давно уже считаютъ себя германцы...

На каждомъ вокзалѣ въ Германіи, въ каждой книжной лавкѣ можно найти коллекцію проповѣдей и разсужденій, отражающихъ симптомы «атологической религіи», какъ выражается цитруемый корреспондентъ газеты «Temps» *).

Германскіе пасторы въ концѣ марта опубликовали въ газетахъ заявленіе, что углубленное изученіе исторіи и Библии показало, что война между народами остается необходимою до конца міра... Надо прибавить къ этому ставшую теперь исключительно популярной формулу: «Богъ да накажетъ Англію!» Она фигурируетъ на конвертахъ, на торговыхъ письмахъ, ею украшаются виньетки. Она замѣняетъ собою привѣтствіе, и привѣтствуемый долженъ отвѣчать: «Объ это сдѣлаетъ».

*). «Рус. Вѣдом.» № 106, 1915 г.

дѣлу свѣту извѣство, какъ безчестно и безчеловѣчно ведутъ вѣдцы войны), это, (мнѣнію ихъ пасторовъ, «святое дѣло», «Откровенныя, пожалуй, даже до близка, германцы всѣми доступными способами—а ихъ много! всему свѣту свидѣтельствуютъ, что дѣло войны есть злое дѣло, котораго не сврасить никакими фиговыми лезтками» *).

Но какъ ни самоуверенны вѣдцы, какъ ни надѣются они на своего какого-то особаго «старога бога», имъ не удастся доказать истинность положенія, что сила выше права и справедливости; никогда совѣтъ и разумъ нашъ не подчинятся механическому регламенту; никогда физическая сила не возьметъ верхъ надъ велѣніями моральными. Крѣпкая вѣра въ это поможетъ намъ и нашимъ союзникамъ одолѣть протѣвника. «Побѣдить Германію необходимо: это—вопросъ жизни и смерти не только для Россіи, величайшаго славянскаго государства, всѣ возможности котораго еще впереди, но и для евронеискихъ государствъ. Нечѣмъ будетъ дышать, если побѣдитъ Германія, незачѣмъ будетъ жить, не будетъ иного свѣта впереди, какъ только тусклый свѣдѣнный вочинкъ мѣшавина (Л. Андреевъ).

К-чь.

Изъ воспоминаній о Порховскомъ духовномъ училищѣ.

(Къ 100-лѣтнему юбилею училища).

Научившись читать подъ руководствомъ родной бабушки и писать подъ руководствомъ отца, одолевъ «бры и вры», «ангела» и «архангела», пишущій одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, 1 сентября 1874 г., былъ представленъ на приемный экзамень для поступленія въ I-й классъ Порховскаго духовнаго училища. Не долго и немногое у насъ спрашивали. Но, правду сказать, явившіеся на экзамень и на это немноее могли отвѣтить очень мало, а то и вовсе ничего...

Центральною фигурою моихъ школьныхъ воспоминаній является о. смотритель училища, шивъ давно уже покойный протоіерей Димитрій Феодоровичъ Верещагинъ, кандидатъ Петроградской Духовной Академіи. Маленькій, съ короткими, распушившимися волосами, онъ обладалъ рѣдкимъ для его лѣтъ, сплывшимъ, даже рѣзкимъ голосомъ, не могъ тихо

*) «Въ сей грозный часъ». Л. Андреева.

говорить, особенно когда ему приходилось раздражаться, что первѣко случалось при его кепильчивомъ характерѣ... Но это была человекѣ добрейшей души, благодѣтель учениковъ. Подобно великому Суворову, онъ терпѣть не могъ отвѣта: «не знаю» и выходилъ изъ себя, когда ученикъ «сигналъ въ молчанку»... «Хоть при да говори»,— часто говорилъ о. Смотритель... На приемномъ экзаменѣ меня заставляли разсказать исторію Израильскаго судій Самсона. Когда я дошелъ до того мѣста, гдѣ судья поражаетъ льва, вложивъ свои руки въ его пасть, о. смотритель спросилъ у меня: «а ты положишь руку въ пасть собаки?».— «Нѣтъ»,— отвѣчаю. «А почему?».— «Кусить»,— заявляю. «Молодецъ!»— воскликнулъ экзаменаторъ, да такъ громко, что и испугался и заплакалъ... Впослѣдствіи, послѣ смерти моего отца, оставившаго семью почти безъ всякихъ средствъ, я и мой братъ жили въ домѣ о. протоіерея и на его содержаніи безплатно и до того освоилъ съ его характеромъ, что о страхѣ предъ нимъ не могло быть и рѣчи...

Поступивъ въ училище, я еще засталъ тамъ такъ называемая «рекреація». Обычно, въ первыхъ числахъ мая, если погода бывала хороша, всѣ ученики, намѣтивъ раннее утро, собирались изъ своихъ квартиръ (объ общежитіи тогда еще и помину не было) въ училище раньше обыкновеннаго и посылали нѣсколькихъ развѣдчиковъ на кухню о. смотрителя, чтобы осведомиться у его кухарки—«голстой Липы» (Олимпиады): всталъ-ли онъ и въ какомъ духѣ?... Если справка бывала благопріятна, «обсладатая» рывью возвращался въ училище съ благою вѣстью. Тогда уже всѣ классы залили на дворъ квартиры о. Протоіерея и громославно пѣли подъ лѣтвицею (надъ нею было окно): «rogamus rogamus, reverendissime pater rector, recreationem sine lectione, или: «просимъ, мы просимъ, достопочтеннѣйшій о. смотритель, отдохновенія безъ урока». т. е., чтобы на другой день рекреація у насъ не спрашивали никакого урока... И вотъ, если reverenissimus былъ «въ духѣ», онъ выходилъ на лѣтвицу и говорилъ; «do vobis recreationem sine lectione (а иногда и «cum»),—т. е. «даю вамъ отдыхъ безъ урока» (или съ урокомъ)... Но бывали случаи, когда у о. Протоіерея хорошей духъ почему-либо, вдругъ, мѣнялся на «зельный» громъ и молвію, и тогда съ лѣтвицы, уже по-русски, гремѣло: «всѣ классы на колѣна и безъ обѣда!». Вывало и такъ, что гнѣвъ быстро переходилъ на милость и, явившись въ училище, смотритель распускалъ насъ на весь день...

«Рекреація» происходила въ окрестностяхъ и теперь еще существующей «Жуковой фабрики», въ 2-хъ верстахъ отъ г. Порхова, на берегу

ръки Шелони... Повечитель училища, купецъ Масляниковъ отправлялъ туда ящики съ конфетами и привиками и все необходимое для чаюпитія. Случалось приѣзжать туда и о. смотритель съ учителями и гостями изъ Порховоградскаго духовенства и др... Позднимъ вечеромъ возвращались мы на свои квартиры и крѣпко засыпали...

Въ благодарной памяти пишущаго остались также и преподаватели училища, особенно Василій Ивановичъ Меньшиковъ (латинскій яз.) и несомненный «грекъ», Иванъ Александровичъ Смирновъ. П тотъ другой очень долго служили въ училищѣ, такъ что прованзики — ученики прощали Василя Ивановича «in finitas» (безконечный), передѣлывая потомъ, въ русское «финита». Подъ этимъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ многимъ поколѣніямъ учащихся. Иванъ Александровичъ Смирновъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, знатокъ своего дѣла. Порховское училище, за все время его службы, славилось знаніемъ греческаго языка. Ученики, явившіеся изъ Порхова въ семиварію, обычно, всегда «отличались» по этой части, почему ихъ звали: «Порховскіе греки». Приведъ такой фактъ. Когда я поступалъ въ Псковскую семиварію, ректоръ ея архимандритъ Герасимъ (Ярель), впоследствии митрополитъ Селевскій далъ мнѣ перевести съ русскаго на греческій языкъ такую фразу: «Эпаминондъ освободилъ Аѳины и всю Грецію»... Я свободно, безъ ошибки исполнялъ греческій переводъ. Но долженъ признаться, что русское сочиненіе на тему: «Входъ Господень въ Іерусалимъ» написалъ, хотя порядочно по изложенію, но съ орфографическими ошибками...

.... Давно все это было, сорокъ лѣтъ вѣща ваялъ, во воспоминавіи объ этомъ далекомъ, миломъ прошломъ и сейчасъ живу въ душѣ...

Въ заключеніи этихъ немногихъ строкъ, пишущій долженъ сказать что онъ поступилъ въ училище и вышелъ изъ него вмѣстѣ съ товарищами выдающихся способностей, каковы (называютъ по алфавиту): Григорій Васильевичъ Вѣляевъ, Семенъ Ниловичъ Васильковъ, Петръ Петровичъ Харловъ и Владиміръ Станиславовичъ Шнаковскій...

Псаломщикъ Михаилъ Ладимскій.

Епархіальная хроника.

== *Архіерейскія служенія.*— 8 іюля, въ день Казанской иконы Божіей Матери, Его Превосвященство совершало литургію въ Кафедральномъ соборѣ и, согласно опредѣленія Св. Синода, совершало крестный ходъ со всенароднымъ коленіемъ о дарованіи побѣды русскому воинству надъ врагами отечества. Въ сей день изъ всѣхъ Псковоградскихъ церквей, по окончаніи въ оныхъ литургій, направлялся въ Кафедральный соборъ въ концу литургіи въ послѣднемъ, въ сопровожденіи духовенства, крестные ходы съ запрестольными вѣстами, хоругвами и мѣсто-чтимыми и чудотворными святыми иконами. Прибывшіе вѣстные ходы располагались въ порядкѣ на площади у собора св. Троицы. По окончаніи литургіи въ соборѣ, изъ прибывшихъ сюда св. иконъ вмѣстѣ съ соборниками святынями составилась величественнѣйшій крестный ходъ, который во главѣ съ Превосвященнѣйшимъ Епископомъ Евсеіемъ и Псковоградскимъ духовенствомъ въ сопровожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, гражданскихъ и военныхъ властей и чиновъ, представителей различныхъ учреждений и многотысячнаго числа народа (около 15000 человекъ); направлялся для совершенія торжественнаго молебствія на Городскую площадь (противъ зданія Городской Думы къ особо построенному городскимъ управленіемъ помосту). Предъ молебномъ Протоіаковъ А. Сахаровъ прочелъ посланіе Св. Синода о значеніи совершаемаго молебна. Молебенъ закончился многолѣтіями. Крестный ходъ въ томъ же порядкѣ направлялся на Заваличье на военно-гарнизонное кладбище, гдѣ Архипастыремъ и духовенствомъ, среди могилъ героевъ страдальцевъ воиновъ, павшихъ въ настоящую великую отечественную войну, съ поименнымъ ихъ поминаніемъ была совершена великая панихида. По окончаніи панихиды крестный ходъ двинулся въ обратный путь, а Владика совершилъ освященіе вновь прирѣзаннаго Городскою Думою къ Мирносицкому кладбищу участка земли, предназначеннаго для погребенія героевъ—воиновъ, павшихъ въ сію великую отечественную войну. При выходѣ изъ Мирносицкаго кладбища Архипастырь снова сопровождалъ крестный ходъ до Кафедральнаго собора, причемъ по пути шествія святыни градскихъ церквей возвращались въ свои храмы и Владика изволилъ прикладываться къ чудотворнымъ св. иконамъ, отдѣлявшимся отъ крестнаго хода.

Очередное слово за литургією въ соборѣ произнесъ священникъ Дмитріевской церкви о. Алексій Черепининъ. За литургією въ сей день Вла-

дыка рукоположилъ въ санъ діакона окончившаго курсъ Духовной Семинаріи Александра Невлянинова, назначеннаго священникомъ погоста Неворожа, Торопецкаго уѣзда.

10 іюля Его Пресвященство, по окончаніи литургіи, сопровождалъ направляющійся въ сей день въ пог. Выбуту, Псковскаго уѣзда, крестный ходъ изъ собора до Ольганской часовни на Завеличьи, гдѣ и изволилъ совершать освященіе воды.

Очередное слово за литургіею въ сей день произнесъ священникъ Старо-Вознесенскаго женскаго монастыря о. Александръ Волговъ.

12 іюля, въ воскресенье, Архипастыръ совершалъ литургію въ народномъ храмѣ 3 го своднаго полевого госпиталя и, по окончаніи литургіи, молебень св. Николаю. Передъ литургіею слово о важности сѣ. храма для больныхъ военномъ произнесъ свящ. 3-го своднаго госпиталя о. С. Тальзинъ. За литургіею очередное слово произнесъ свящ. Ал. Юшавскій.

По окончаніи Богослуженія Владыка бесѣдовалъ съ собравшимися въ баракѣ при храмѣ раѣнными воинами, которые со словами на глазахъ слушали простое, сердечное слово Архипастыря. Потомъ Владыка всѣхъ благословилъ иконками и крестиками. Во время благословенія больные все время пѣли «спаси Господи». Потомъ Владыка изволилъ перейти въ два другихъ барака, гдѣ лежали прикованные къ постелямъ тяжело раненые. Къ постелямъ каждаго Владыка самъ изволилъ подходить и благословлять крестомъ, всякому произнося слово утѣшенія. Обѣдя всѣхъ больныхъ Владыка отбылъ изъ госпиталя въ 3 часа дня.

За Богослуженіемъ изволила присутствовать Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня Марія Павловна, начальникъ губерніи съ супругою, генералъ Павловъ и мн. др. начальствующихъ лицъ.

14 іюля въ 6 часовъ вечера, на день св. равноапостольнаго князя Владиміра Архипастыръ совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ всенощное бдѣніе, за которымъ Владыка читалъ акафистъ св. равноапостольному князю Владиміру и молитву Угоднику Божию. За всенощнымъ бдѣніемъ священникъ Каѳедральнаго собора о. П. Любимовъ разсказалъ житіе сѣ. благовѣрнаго и равноапостольнаго князя Владиміра. При помозаніи освященнымъ елеемъ Архипастыръ раздавалъ молящимся житіе св. благовѣрнаго князя Владиміра.

15 іюля, въ 9 часовъ утра, Его Пресвященство совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ божественную литургію, за которою рукоположилъ въ санъ діакона учителя Епархіальной Арсеніевской псаломщической школы Николая Выстрова, назначеннаго священникомъ въ погостъ Овсищи, Ва-

ликоудного уѣзда, и окончившаго курсъ Духовной Семинаріи Александра Невлянова въ санъ священника въ церкви погоста Нелорожа, Городецкого уѣзда. Обрѣтно слово за литургію прочишетъ священникъ Н. Давыдовъ отъ престола церкви св. Николая Троицкій. Въ концу литургіи на площадь у Троицкаго собора изъ Невгородскихъ парней, въ сопровожденіи духовенства, приближи престолю ходы съ чудотворными и мѣсто-тѣмными св. иконами, хоругвами и престольными крестами. По окончаніи литургіи, изъ Какодральнаго собора въ слѣдъ съ Его Превосищенствомъ, при участіи Невгородскаго духовенства, въ сопровожденіи предстательствъ гражданскихъ властей и учреждений, прослѣдовалъ большой престольный ходъ на р. Великую, гдѣ Архангельскъ было совершено величье воды. Богослуженіе закончилось въ Какодральномъ соборѣ молебнымъ пѣніемъ св. равноапостолюму князю Владимиру съ ижеимъ молитвою и возмощіемъ покровеннаго шествія. По пути шествія съ іереемъ читали Глаголюхъ перекоръ оублаженію отъ престольнаго хода и мѣсто-тѣмными въ сопровожденіи духовенства въ свои храмы.

19 іюля Его Превосищенство совершитъ въ Какодральномъ соборѣ въ 9 часовъ утра литургію и, по литургіи, молебны св. предстателю Серафиму, Сурожскому чудотворцу, съ ижеимъ молитвою угощенку и возмощіемъ покровеннаго шествія, по случаю храмового праздника св. великаго князя Троицкаго собора. За литургію Владика руковождитъ иерей св. Кавульскаго Архіепископъ немошчическаго погоста Никола Гавриловъ въ санъ священника погоста Овечья, Великоуднаго уѣзда. Обрѣтно слово за литургію прочишетъ священникъ Великаго Свободненскаго погоста св. Іоаннъ Герасимскій.

— *Въ Духовной Семинаріи.* — Въ настоящее время здѣсь Духовной Семинаріи занятъ подъ эвакуированнымъ зданіемъ, Варшавскій казармы. Ведѣствіе этого убогаго занятія въ настоящее году, будетъ производиться въ другихъ зданіяхъ, быть можетъ и въ помѣщеніи Духовнаго училища. Въ виду закрытія семинарскаго общежитія, духовенству, имѣющему своихъ дѣтей въ семинаріи, придется размѣщать ихъ въ частныхъ квартирахъ.

Редакторъ М. Кутузовъ.

Извѣщено духовною и пощенною псалуркою, Невкомъ 24-го іюля 1915 года.

Впечатано въ типографіи Нев.-ек., Губерн. Земства.